

СОЦИАЛЬНЫЕ ФЕНОМЕНЫ ПОСЛЕ ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ:

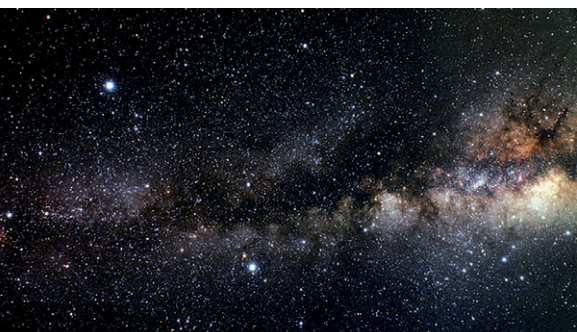
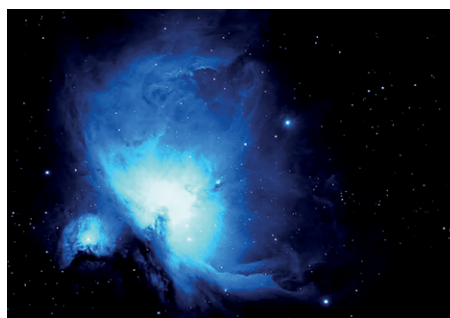
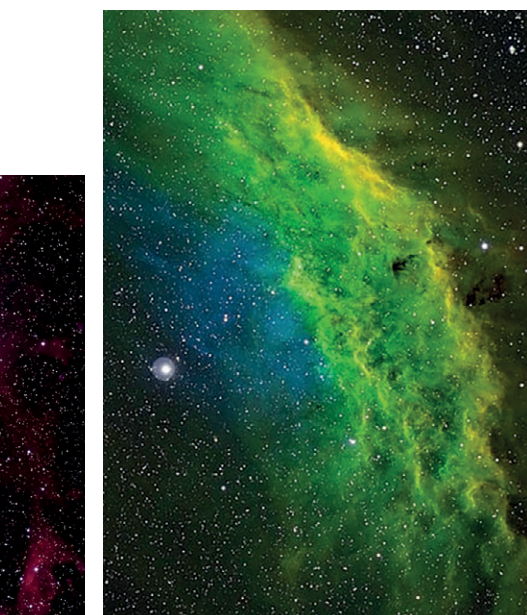
Украина, как общество, переживает очередной кризис, связанный с завершением постсоциалистического периода жизни – период «демократического транзита», длившийся без малого 30 лет, составил целую эпоху в жизни народа. Социальной спецификой этого периода общественной жизни была его двойственность, в начале 90-х г.г. сложилась ситуация «двойной социализации». Для социального взаимодействия люди усваивали одновременно два различных типа социальных норм и ценностей. Одна из этих систем понималась как принадлежащая прошлому – «совку», в то время, как другая понималась как горизонт новой жизни в условиях рыночного общества.

В первом случае это были правила жизни, связанные с прежним, социалистическим обществом и идеалами новой утопии «народного капитализма» - социального государства «Украины для всех», где на фундаменте в виде экономики рыночного типа должна была выситься надстройка в виде социально ориентированных институтов. Социальные регуляторы этого типа касались процессов обустройства сферы общего, национально-государственного общежития. Здесь в практиках государственного управления сохранялись нормы и правила социального государства, в общественной идеологии сохранялись идеалы гуманизма, универсальных прав человека, в экономике - прогресса как средства повышения общественного

СЕГМЕНТАЦИЯ, ЛОКАЛИЗАЦИЯ, ОТЧУЖДЕНИЕ

от коллектива STRATEGIC GROUP SOFIA

благосостояния народа в целом.

С другой стороны действовали правила, связанные с частной жизнью, они касались жизни человека в рамках его конкретных локальных обстоятельств и условий. Будущее общество понималось как устроенное в виде социального пространства реализации частной инициативы исходя из частных же интересов. В этой новой системе социализации торжествовало правило «каждый сам за себя» и общее рассматривалось не как цель, но как условие её достижения. Здесь развивались отношения, связанные с использованием ресурсов и возможностей исходя из собственных потребностей и интересов. Погруженные в новую для себя историческую ситуацию «демократического транзита» и рыночного общества люди одновременно создавали соответствующие отношения, конструировали новые регулятивные нормы, правила и усваивали их.

Это время примечательно тем, что в практиках государственного управления реализовывались интересы приходивших к власти формирующихся новых социальных групп – частных собственников, а в общественной идеологии действовал своеобразный механизм решения конфликтов. Этот механизм был основан на принципе толерантности к различным (порой до противоположности) ценностным моделям общежития, при том, что в экономике все полнее развивался принцип максимизации денежной прибыли и минимизации убытков, присвоения прибыли и обобществления расходов.

Относительная стабильность, соразмерность и связанность этих двух систем регулирования отношений между людьми обеспечивалась на протяжении длительного периода общностью интересов, вызванных общей включенностью в соз-

данные прежними поколениями большие системы индустриального производства. Именно в них граждане объективно были частью единых процессов, были необходимы друг другу как партнеры в реализации процессов жизнеобеспечения, они образовывали основание органической целостности общества, общественно-го разделения труда. На основе общности этих объективно существовавших интересов, которые были сформированы в предыдущем историческом цикле жизни народа, действовали формальные (политика, право) и неформальные (общественная мораль и традиция) механизмы установления общественного консенсуса там, где была такая необходимость.

Спецификой постсоциалистического периода было то, что под знаком «рыночных реформ» и «демократического транзита» социально-экономическая система индустриального производства использовалась, но не воспроизводилась. Она рассматривалась как «естественный ресурс» формирования нового общества, который был трамплином в будущее, но не был его основанием. Индустриальная основа Украины отставала от требований времени и не трансформировалась исходя из требований меняющихся внешних условий – как экономических, так и политических. Противоречие между индустриальным характером системных оснований жизни страны как единого социально-экономического пространства и частно-групповым характером их использования в логике развития экономики рыночного типа выглядело естественным и позитивным.

В ходе многочисленных политических кризисов произошла дезинтеграция индустриальной органической целостности страны на множество разрозненных общественных сегментов. В рамках этих

социальных сегментов стали складываться другие сообщества. Сталкиваясь с новыми для себя ситуациями, люди стали вырабатывать другие собственные социальные и политические интересы, связанные с характером уже тех новых процессов, в которые они оказались включены в силу распада прежней индустриально организованной общности. Эти новые интересы стали органическими для нового поколения, которое социализировалось в этой ситуации.

В процессе сегментации и распада системы общественного разделения видов деятельности наряду с другими в отдельные, живущие по своим правилам, сообщества, превратились не только поселенческие, но и профессиональные группы. Аппарат центральной власти, представительная и законодательная власть в лице чиновничьего сословия, «силовики», деятели науки и культуры – все оказались наедине со своими групповыми интересами. Бизнес-сообщество, национальные СМИ, религиозные структуры, криминальные структуры также стали жить в собственных повестках, выходящих за повестку прежнего национального единства. Общим все в большей мере становилось лишь пространство и время, в которых реализовывались все более различные социальные интересы. Вооруженный конфликт, экономические кризисы и «кронакризис» подталкивали и оформляли эту сегментацию, которая вывела общество в качественно новое состояние.

Сохранение и развитие единого индустриального комплекса экономической жизни Украины на этапе пост-социалистического развития было ресурсом, но не составляло целенаправленного практического интереса этих формировавшихся разрозненных сообществ, призванных нормировать и регулировать массовое поведение во всех сферах общественной жизни.

По мере того, как деградировали объединяющие людей структуры совместной деятельности, по мере того, как происходила локализация производственной, культурной, социальной жизни, указанное выше противоречие между общими и частными системами социализации увеличивалось.

По мере продвижения рыночных реформ люди начинали жить во все более разных жизненных мирах и не имели потребности в едином национальном пространстве как условия удовлетворения своих жизненных интересов. Надежды на «невидимую руку рынка» не сбывались. «Общее» становилось все в большей мере фикцией, за которой скрывались частные интересы множества разрозненных групп, не связанных между собой органическим единством жизнеустройства. Более того – люди были все чаще заинтересованы во всемерном ослаблении оснований такого «общего», превращении его применительно к собственным условиям жизни в фикцию, формальную условность, которая не мешала бы удовлетворять их частные интересы в текущем времени и на перспективу.

По мере деградации и демонтажа организационных, социокультурных и материально-вещественных основ постсоветской индустриальной экономики, практически все локальные общности оказывались в положении, когда их частные правила, ценности и нормы не соответствовали существовавшему общему, а последние в силу этого оказались выхолощены и лишены реального жизненного содержания. Исторически пост-социалистическая ситуация «двойной социализации» утрачивала свою основу и практический смысл.

«Революция достоинства» 2014г. была разрушением консенсусного политического механизма согласования множества частных интересов на основе ставшего

фикцией общего. Она была направлена в значительной мере на упразднение этого состояния, её энергия питалась катастрофическим разрывом между «должным» (закрепленным в законах и общественной морали) в виде сохранявшейся идеологии постсоциалистической идеологически амбивалентной Украины и «сущим» (закрепленным в реальном поведении) в виде идеологически ангажированных «жизненных миров» сегментированной по экономическим и политическим интересам реальной страны.

Но отбросить формальные условности в ходе политического переворота и разворачивания вооруженного конфликта это одна задача, а создать новые институциональные правила, соответствующие потребностям реально возникшего за десятилетия многоукладного сегментированного общества – совершенно другая. «Революция достоинства» и её последствия была попыткой создать новые правила «общего» по нормам и ценностям одного «частного», попытка натянуть «сову» этнонационалистической идеологии на реально многоукладный «глобус Украины».

Нерешённое до сих пор противоречие между локальным характером претендующей на основу новой общности системы социализации и реальным многообразием локальных интересов образующих общество групп выразилось в ряде новых общественных конфликтов. Идеологический принцип «армия-мова-вира» стал средством слома и ликвидации прежней «постсоциалистической» системы жизни страны и одновременно попыткой утверждения одной из сформировавшихся локальных систем норм и ценностей в качестве новой общенациональной.

Эти общественные процессы в превращённой оптике идеологического созна-

ния предстали как процесс воссоздания нового «общего». Так разрушительный процесс закрепился на какое-то время, представ в сознании осуществляющих его людей как созидательный, возник энтузиазм и моральный пафос. Объединяющим практическим процессом с этой точки зрения должен стать процесс войны, а идеологической основой – этнически истолкованный национал-патриотизм, опирающийся на институт новосозданной церковной организации. Вокруг этого процесса господствующей группой политического класса формируются и новые основания институтов социализации – прежде всего образования и культуры. Героизация войны и гражданского конфликта в идеологии XX века, на которой выросли действующие поколения, сыграла с ними злую шутку, позволив сформировать в их сознании представления о том, что война может стать основой объединения общества. Но логика исторических намерений не изменяет логики исторических обстоятельств – по результату на шестой год вооружённого конфликта общество так и не «собралось» вокруг него.

Вместе с тем «война на Донбассе» в ситуации сегментации Украины стала делом образовавшейся отдельной социальной «военно-силовой» группы, включённой в конфликт как в свой групповой жизненный ресурс. В состав этой массовидной группы входят как профессиональные военные (в мирное время страдавшие от недостатка престижа и материального обеспечения), так и представители разнообразных маргинализированных слоев (безработных, криминалитета) нашедших своё новое место в обществе. Попытки остановить конфликт, кроме противодействия со стороны политически и экономически заинтересованных в нем игроков, наталкиваются и на противодействие со стороны носителей

социального интереса этой специфической социальной группы, осознающей и транслирующей в общество свои интересы.

В процессе разворачивания конфликта прежняя, пост-социалистическая, система нормативного регулирования общественной жизни была отброшена, из пространства публичного общения вытеснена часть её политических носителей, подавлены процессы индустриально-производственных связей в их прежней, пост-социалистической форме. Но следует не забывать, что «постсоциализм» на тот момент уже утратил объективное основание в виде структур организации жизни страны. Такое положение проявилось в том, что отношения между гражданами в стране перестали регулироваться прежними законами (включая Конституцию), были отброшены в публичном общении существовавшие прежде моральные нормы «политической толерантности». Принцип «единства в многообразии» уступил место принципу «кто не с нами, тот против нас», публичное пространство превратилось в место открытой конфликтности, где единственным регулятором стало прямое насилие.

Это состояние общества и соответствующие процессы рефлексируются массовым сознанием как «новые девяностые» - период жизни без норм и правил. Но это состояние не может длиться долго, наличие массы общих обстоятельств совместной жизни требует процесса их регулирования. Объективно возник запрос на новую систему социализации уже этой, новой Украины – состоящей не из остатков социалистической экономики, но из множества образовавшихся сегментов, деиндустриализированных локальных жизненных сред.

«Электоральная революция» 2019 г. была ответом на эту новую ситуацию. При этом одна часть поддержавших В.Зеленского и

его команду граждан, видела в своём выборе действие по воссозданию прежней «постсоциалистической» Украины, другая часть – действие по созданию новой системы нормативного и правового регулирования в рамках новых исторических обстоятельств. В процессе получения политического влияния новая политическая сила стремилась соответствовать ожиданиям этих двух типов, и возникшая политическая команда получила власть на энергии противоположных политических запросов, оказавшись в силу этого заложником их противоречивости.

По прошествии года «команда новых лиц» пытается соответствовать запросу второго типа, создать новую систему общественных регуляторов, используя при этом формулу своих предшественников в купе с усвоенными представлениями неолиберального типа. Выросшие в условиях «двойной социализации» политики нового поколения невольно попытались воспроизвести её в новых условиях – сохраняя риторику «постсоциалистического» государства («какая разница») реализовывать противоречащий ей принцип «Армия Мога Вири», следуя при этом неолиберальным принципам институционального строительства. Но это движение пока достаточно замкнутой и имеющей частные интересы группы из состава возникшего в процессе сегментации обособленного политического класса. Она находится в положении «одной из», наряду с другими групповыми актёрами не представляет в своих интересах реальной множественности общества. Поэтому это движение воспринимается как внешнее по отношению к другим групповым актёрам, то есть с точки зрения их возникших обособленных интересов и не способно стать интегрирующим фактором.

Завершение периода «двойной социализа-

ции» сказало на состоянии общественного сознания и умонастроений различным образом для разных категорий граждан. Одни почувствовали себя в положении «исторических победителей» - прежний компромисс правил жизни в «большой Украине» был отброшен и правила конкретно их локальной социализации были провозглашены как общеобязательные, за их ценностями и нормами возникла фигура государственного принуждения. Другие почувствовали себя лишенными исторического наследия, дискредитированными и живущими в государстве, не признающей той культуры, в рамках которой они социализировались и с которой связывались их смысло-жизненные представления. Основная же часть населения оказалась погружена в ситуацию аномии, когда прежние «скрепы» общенациональной жизни как системы компромиссов были разрушены, а новые оказались мало пригодными для урегулирования локальных проблем их жизнеобеспечения. Людям стало понятно, как «умереть за Украину», а вот как «жить за Украину» – по-прежнему не очень. Они по характеру своих жизненных интересов ориентированы на социализацию в горизонте локальных сообществ и общенациональная повестка воспринимается ими лишь в этом контексте, как средство решения локальных задач. При этом все три категории остались участниками единого для всех процесса продолжающейся деиндустриализации и сегментации национального пространства.

Существенным фактором в рассматриваемых нами процессах стало также включение Украины в глобальные процессы – и как страны в целом и как множества локальных сообществ. «Выпавшие» из общенациональной социальной повестки граждане, лишённые к тому же устойчивых условий жизнеобеспечения,

ощущают на себе «притяжение» индустриальных сообществ, социализируются в рамках нормативно-ценностных комплексов, которые дают возможность включаться в социальную жизнь этих иных сообществ, связывая с ними своё ближайшее, а затем и отдалённое будущее.

С точки зрения реалий жизненного мира Украина стала выглядеть как «страна без правил», где государство обеспечивает «право сильного», где в социальных отношениях доминирует не сотрудничество, а насилие. Она выглядит одновременно и как «страна без будущего» – где отрицается прежний образ будущего, где не выработан общий новый его образ и как «страна без прошлого» - где существует несколько моделей исторической памяти и нет принятого всеми образа ближайшего и отдалённого прошлого, который бы делал понятным и легитимировал в массовом сознании происходящие процессы.

Фактически же Украина стала страной с отрицательным ростом населения - после объявления Украиной независимости рождаемость стремительно пошла вниз, с 1993 года население уменьшилось с 52, 244 млн. до 42,371 млн. человек (по состоянию на 1 марта 2017 года). В 2019 году население Украины сократилось почти на 200 тыс. человек. В отношении Украины международные эксперты ООН по индексу человеческого развития пришли к неутешительным выводам: в 2100 году здесь будет проживать на 16 миллионов человек меньше, чем в 2017.

Институт демографии и социальных исследований имени М.В. Птухи НАН Украины совершенно отчётливо сформулировал тенденцию обезлюживания Украины. Из-за «исчерпанного потенциала демографического роста» в ближайшие десятилетия население Украины сократится

до 36 млн человек, считает директор Института демографии Элла Либанова.

Прогноз связан с низкой тенденцией рождаемости и высоким уровнем смертности, по которому в 2019 году страна заняла первое место в мире. «В данные показатели входит тенденция рождаемости, смертности и миграции. В Украине в принципе старое население и исчерпан потенциал демографического роста. Ведь с 60-х годов украинки не рожают необходимого количества детей для того, чтобы перекрыть показатели смертности. В итоге численность поколения родителей не замещается численностью поколения детей», – отметила Либанова. Среди факторов, способствующих преждевременной смерти, особенно у мужчин, эксперт выделила неправильный образ жизни и несвоевременное обращение за медицинской помощью. Преодолеть депопуляцию уже практически невозможно, считает демограф Лидия Ткаченко: «К 2050 году население Украины, без Донбасса, сократится до 25 миллионов человек.»

Это страна бедных людей – в 2019 году по сравнению с 2016-м Украина по уровню бедности опустилась на 29 позиций и теперь занимает лишь 84-е место, второе среди европейских стран (после Албании). В мире в целом индекс человеческого развития за этот период вырос в три раза, по сравнению с Украиной. Даже страны Центральной Азии достигли более высоких показателей.

По данным Института демографии и социальных исследований НАН Украины, на начало июля 2019 года за чертой бедности находилось больше половины населения страны. По оценкам экспертов (с доходом равным прожиточному минимуму и менее), к бедным относится примерно 80% населения. Постоянный представитель

программы ООН по человеческому развитию на Украине Нил Уокер утверждает: «Сегодня более 60% населения Украины находится за чертой бедности, то есть тратят на себя меньше денег, чем фактический прожиточный минимум, который составляет 4200 гривен в месяц». Если верить результатам социологических опросов, то лишь 1% населения Украины принадлежит к зажиточной прослойке, средним классом можно считать 5%, а 40% жителей страны не имеют вообще никаких сбережений. За последние три года граждане Украины обеднели вследствие сокращения промышленного производства, безработицы, повышения коммунальных тарифов и девальвации гривны.

Массовая бедность и отсутствие понятной и реальной перспективы выхода из неё порождает соответствующие социально-психологические феномены. Прежде всего это отчаяние и недоверие, переходящие в апатию. Надежды на перспективу установления новых правил общенациональной жизни, связанные с «электоральной революцией» 2019г. не подтвердились и люди стали уходить в частную жизнь, надеясь пережить «смутные времена». Яркой иллюстрацией этого стало финансовое поведение.

Вкладчики перестали нервно реагировать на снижение процентов по своим депозитам. Ранее они быстро разочаровывались в банках и снимали деньги со счетов. А теперь оттоки прекратились.

Так, согласно отчету Нацбанка по итогам июня 2020г., сумма гривневых вкладов населения в банковской системе выросла на 2,5% (до 364,4 млрд грн), а с начала 2020 года - вообще на 15,8%. С начала года (за 6 месяцев) немного сократились лишь валютные вложения людей - на 0,7% (до \$9,5 млрд), хотя в июне был зафиксирован небольшой прирост - на 0,3%.

На первый взгляд, новые настроения вкладчиков кажутся аномальными - людям меньше платят, однако они продолжают вкладывать средства. Однако банкиры убеждены, что их клиенты стараются экономить, меньше тратят - в том числе и те деньги, которые поступают им на карточные счета в виде зарплат. А то, что вкладчики сейчас откладывают на банковских счетах - это не классические долгосрочные депозиты без права досрочного снятия (не срочные вклады), а деньги на карточных счетах до востребования, небольшой запас прочности «на черный день», который пытается сформировать каждая семья на случай увольнения, болезни или другой новой проблемы.

Эксперты из банковской сферы характеризуют это поведение так: «Гривневый портфель депозитов физлиц вырос, прежде всего, за счет средств до востребования. Такой рост может быть вызван снижением потребления и ухудшением потребительских настроений во время карантина. То есть у людей на руках остается больше денег из-за отложенных покупок, и эти сэкономленные средства они не хотят замораживать на срочных депозитах, опасаясь, что их придется потратить на черный день уже совсем скоро. С другой стороны, во время карантина клиенты стали меньше снимать наличные с текущих зарплатных и дебетовых счетов.»

Кроме того, часть украинцев свернула свой бизнес и сложила деньги на счета, чтобы получать процентный доход и жить на него. А кто-то постарался открыть вклады до снижения процентов, чтобы на этом заработать. Часть населения в условиях постепенного снижения процентных ставок постаралась разместить средства на депозиты, чтобы получить по ним более высокие проценты. Такое движение вкладчиков

может продолжаться. Люди будут стараться экономить как могут, ведь из-за непрекращающейся эпидемии коронавируса и сложной ситуации в экономике невозможно быть уверенным в завтрашнем дне.

Особенно уязвимой категорией становятся в этих условиях пенсионеры. Бедность ведёт к снижению уровня образования, поскольку вместо учёбы в институтах или университетах молодежь вынуждена работать.

Украина - страна с криминализированной жизненной средой, она обогнала уровень преступности бандитских 90-х годов. Согласно рейтинга NUMEDO Crime Index by Country 2020 в списке криминальных стран Европы Украины заняла первое место с индексом преступности 48,84, потеснив Швецию с показателем 47,43 и Францию (47,37), куда который год продолжают переселяться беженцы с Ближнего Востока, являющиеся основным двигателем криминалитета в странах Европы. В стране правит криминал, который первые лица государства используют в качестве средства давления на неугодных. «Сегодня в стране уровень преступности выше на 10%, чем в самые преступные годы», - указывает директор консалтинговой компании William Invest Expert Виктор Медведь.

В рамках этих макро- и микросоциальных процессов формируются соответствующие им массовые социально-психологические настроения, общественные стереотипы, социокультурные установки, которые влияют на поведение граждан в различных сферах общественной жизни - прежде всего в политике и экономике.

Сложился ряд трендов социально-психологического поведения граждан, к которым можно отнести следующее:

- жизненная установка не развитие и самореализация, но физическое и социаль-

ное выживание;

- социальная установка на защиту личных интересов, уклонение от сотрудничества;

- ориентация на доступные ресурсы и локальное сообщество, организованное с целью использования этих ресурсов в целях частного выживания;

- локализация социальных интересов, замыкание в их рамках, восприятие общенациональных процессов как угрозы жизненному миру;

- установка на уклонение от процессов общенационального масштаба, сохранение «закрытости» локального сообщества;

- отчуждение и рост социальной дистанции между гражданами по регионально-поселенческому и имущественному признаку;

- дискредитация «постсоветского» типа личности с его установкой на примирение и сотрудничество;

- эскапизм, внутренняя и внешняя миграция.

ситуации усиливает сегментацию страны - политические субъекты, ориентируясь своей активностью поведением масс на интересы экономик возникающих сообществ локально-поселенческого типа.

Чтобы в наступившем веке страна выжила как социально значимое большое явление, как суверенное государственное образование, она должна иметь достаточно большое количество людей, способных к эволюционному прогрессу и индустриальную основу, объединяющую их интересы в единую целостную систему. Поэтому перспективы интеграции в большее сообщество выглядят все более практически значимыми для сохранения целостности. Чтобы страна выстояла и стала социально значимым явлением, необходима адекватная этому общественная идеология. Экономике можно изменить за десять лет, но чтобы изменить интеллектуальное, психологическое и моральное состояние, в котором сейчас находится страна, может потребоваться несколько поколений и десятки лет.

~

Выводы

В ходе разворачивания кризиса, связанного с завершением «постсоциалистической» организации жизни, Украина перешла к режиму жизни в сегментированном состоянии с различными интересами образовавшихся поселенческих групп при отсутствии механизма выработки компромисса между их носителями. Целостность общественной жизни обеспечивается преимущественно процедурами насильственного характера, органическое единство, которое было сформировано в период индустриализации, утрачивается с угасанием индустриального сегмента экономики. Политическое общение в этой